

Одна за всех

Евгений был обычный врач-гинеколог, но от коллег своих выгодно отличался профессионализмом и умением разговаривать с женщинами. Просто женщины были его маленькой слабостью. Особенно получался диалог с длинноногими брюнетками, а почему, он и сам не знал. Санитарка Диночка, наблюдавшая со стороны за всем медперсоналом, про себя отмечала, что с хорошенькими дамами Евгений Михалыч был особенно приветлив и любезен. «Таковы мужики... – вздыхала Диночка и вспоминала очередного сбежавшего кавалера, в сотый раз разбившего ее нежное сердце.

День начинался как обычно. С утра Евгений проснулся от приятного ощущения тепла на своей груди и тонкого щекота дочери Маринки. «Папочка, вставай, ты опоздаешь на работу! Кто вместо тебя будет лечить людей?» «Встаю, доченька, встаю», – ответил он, вспоминая, что будильник прозвенит еще только через пятнадцать минут. Дочь у него – ранняя пташка, просыпается раньше всех в доме, попугай и тот еще спит. «Папа, папочка, мама оставила тебе завтрак на плите. Там что-то очень вкусненькое! Скорее вставай!» – и Маринка, припечатав отца звонким поцелуем, упорхнула в школу. «Вот неугомонное создание», – подумал Евгений и отправился в ванную смывать остатки сна.

Младшенькую Настю уже повела в школу жена, работавшая медсестрой в одной из поликлиник города. С аппетитом позавтракав и надев чистую рубашку, Евгений быстро собрался на работу. Четверг был операционным днем, и работы должно было быть много...

Так и оказалось: одна миома, две чистки и два аборта. «Что ж, будем разгребать», – подумал он и позвал медсестру. Тут из-за угла вывернули пролайферы, сегодня без священника. «Достали они меня уже!» – подумал врач. – «Вот людям дома-то не сидится!» И он хотел уже прошмыгнуть в процедурную, но не успел.

– Евгений Михалыч, доброе утро! – казалось, что они произнесли эту фразу одновременно – парень и девушка, улыбаясь, приветствовали врача. Он внутренне поморщился, но широко улыбнулся в ответ и пожал руку Олегу – так звали парня – а девушке кивнул головой.

– У вас сегодня есть работа, – Евгений театрально взмахнул рукой, указывая на стол. – Да и у меня тоже хватает, так что беседуйте с пациентками поскорее. Успехов! – И он пропал в процедурной.

Защитники жизни раздражали Евгения, он считал, что эти люди просто лезут не в свое дело от безделья. Уж если женщина что-то решила, значит, ей виднее. Чужая жизнь, чужие семьи, а он просто выполняет свою работу и, кстати, лучше всех в районе... Аборты давно стали для него привычной операцией, которую он стремился делать так же хорошо, как и все другие...

Вот и анестезиологи пришли, надо поторопить «защитников». И Евгений заглянул в комнату отдыха, где проходили беседы пролайферов с женщинами. Ага, у Танюши (так звали девушку-волонтера) глаза на мокром месте, а Олег слегка раздражен. Пациентка сидит, низко опустив голову. Совсем молоденькая девочка.

– Ну, что девушка решила? – он широко улыбается, уже зная ответ. – Рожать пойдем?

Та со страхом поднимает на него глаза, но уверенно шепчет: «Нет...», впрочем, косясь слегка на волонтеров.

– Аборт? Ну, пойдете в процедурную, раз все решили.

И тут Танюша в сотый раз уже – внутри у Евгения все закипело – вежливо просит: «Доктор, поговорите с ней, пожалуйста, тут такая ситуация...» И в сотый раз, наверное, он отвечает: «Да, конечно, я сделаю все, что смогу». А что он сможет? Почему родители этих малолеток не думают мозгами? Десять недель, говорите вы? Да хоть двадцать. Она же все решила, эта девчонка. Как обычно: парень бросил, родители гонят на аборт... А она боится: аборта, родителей, одиночества и родов – и всего сразу. Но тут уже все понятно: этот ребенок не родится. Психологи хреновы! Неужели не видно?

И он, обнимая плачущую пациентку за плечи, уводит ее в процедурную, чтобы медсестра сделала премедикацию. Он только исполнитель, ничего не значащее лицо. Профессия врача нынче не в почете, она приравнена к сфере услуг, ты нам денежку – мы тебе услугу. И отношение соответствующее. Он тут пробовал одну отговорить, что-то такое шевельнулось в душе. Так та главврачу пожаловалась. Нет, премии не лишили, но беседа была неприятной. Так что чего вы от меня хотите, дорогие пролайферы? Надо мной ведь тоже начальство. И Евгений отправился в операционную...

А вечером он успокаивал плачущую дочь. «Папа, это что, правда, ты убиваешь маленьких детей? Папа, скажи, это правда?» – «Доченька, ну с чего ты взяла? Кто тебе такое сказал?» – «Вася сказал, у него мама тоже гинеколог...» – и дочь захлебнулась рыданиями. Он обнимал ее, прижимал к

себе и не знал, как ответить, чтобы не солгать. Но правда была слишком жестокой для двенадцатилетней девочки, и он решился... Крепко прижав к себе Маринку, он твердо сказал ей в самое ухо: «Нет, неправда, я не убиваю маленьких детей. Врачи-гинекологи бывают разные». Он чувствовал, как взволнованно бьется сердце дочери, и не мог сказать ничего другого. Она всхлипнула еще раз, взглянула на него заплаканными глазами и сказала: «Папочка...». А потом снова обняла отца и прижалась к нему. В комнату заглянула жена, в глазах ее читался вопрос. Он слегка кивнул, давая понять, что все в порядке. А Настюша потом все крутилась за столом и спрашивала: «Папа, мама, а почему Маринка плакала?» Но разговор шутливо переводили на другую тему, и, в конце концов, малышка обиженно замолкла.

Евгений очень надеялся, что все обойдется, что Маринка поверит ему и больше не будет думать о вчерашнем. Но сам невольно возвращался мыслью к разговору с дочерью, хотя не понимал, зачем. Кроме лжи, он выхода не видел никакого...

– Здравствуйте, Евгений Михалыч! – защитники жизни уже были в отделении, и опять они не остались без работы. Молодая женщина шла на аборт уже в третий раз, врач даже вспомнил ее лицо. Ну, неужели они не понимают, что проще остановить поезд на полном ходу, чем таких «рецидивисток»? Хотя бывало всякое. И он вспомнил многодетную мамашу с абортом в анамнезе, поддавшуюся на уговоры священника и родившую-таки очередное дитя. Но он такими детьми не интересовался, некогда было. Родился, и слава Богу. Что ж, пора готовиться к операции. Через полчаса он уже собирался приступить к работе, и чувство собственной безошибочности переполняло его. Евгений неплохо знал женщин и, конечно, гордился этим. Пациентка уже была без сознания. Он стал доставать инструменты. Но тут вдруг перед глазами возникло лицо дочери. Она смотрела умоляюще и говорила: «Не надо, папа». Евгений встряхнулся, медсестра ничего не успела заметить. Вдруг у него резко закружилась голова, и снова в мозгу возник образ дочери. «Папочка, не делай этого», – Маринка почти уже плакала...

– Евгений Михалыч, что с вами? – Диночка подскочила со стаканом воды в руке. – Давление?

– Да, наверное... Спасибо, Дина, сейчас приму таблетку.

Он взял себя в руки и начал операцию. Но что-то было не так...

Когда зазвонил мобильный, Евгений пил чай у себя в кабинете. «Женя... – жена задыхалась и плакала, – Маринка...погибла... Он выронил стакан, чай разлился, и тонкая струйка его побежала под дверь.

Он не был готов к смерти сегодня и сейчас, позвонил главному и, забыв одеться, поехал домой. Жена была не в себе, глаза обезумели, он не помнил ее такой. А Настюшка еще не понимала, хотя и жалела маму, непрерывно целуя ее.

– Как это случилось? – жена посмотрела на него долгим пустым взглядом и ответила: «Машина...»

Тут Настя подбежала к нему и быстро зашептала на ухо, притянув за рукав: «А я знаю, почему умерла Маринка. Бог забрал ее к себе. Она сама просила. Да, папа, правда!».

– Как...просила? Настя, ты что?

И дочь, слегка шепелявя, принялась рассказывать: «У нас в детской Боженька на стене. Вот она пошла к нему и сказала: «Боженька, забери меня вместо тех маленьких деток, которых убивает мой папа»... Он и забрал. Вы не плачьте, Маринка на небе теперь, там красиво, и Ангелы живут... Не плачьте...».

Евгений прислонился к стене и подумал, что это какой-то кошмар, скоро утро, все закончится, и дочка прибежит будить его...

Но тут жена тихо сказала: «Пожалуйста...позвони маме...». И он понял, что уже все закончилось, закончилось счастье, улыбки и смех. Смерть пришла в их дом, и Маринка больше никогда не разбудит его...

После похорон дом стал чужим. Евгений не знал, что делать с женой, которая, казалось, медленно сходила с ума, и только Настя воспринимала все по-своему, по-детски, пытаясь убедить родителей, что в раю очень хорошо живется и Маринке там нравится.

... – Сегодня только один аборт, о. Василий уже беседует с пациенткой, – Диночка предупредила вопрос врача. Он почему-то пожал плечами и посмотрел за окно: глухая осень усугубляла чувство безысходности. Евгений взял в руки направление: 30 лет, замужем, двое детей, аборт не было, здорова, одиннадцать недель беременности... О. Василий, кряхтя, вышел из комнаты отдыха. Выглядел он расстроенным и поникшим, как и всегда в случае неудачной беседы.

– Все, мы поговорили... И он взял свой чемоданчик и стал снимать халат, который специально для него был припасен в отделении.

Евгений вздохнул, пожал священнику руку. Тот хотел еще что-то сказать, но осекся и только взглянул внимательно и грустно.

Все было готово, но анестезиологи почему-то задерживались. И он посмотрел на пациентку, а та посмотрела в окно. Евгений вспомнил дочь: «Папочка, это правда? Ты убиваешь детей?». Да, это правда, теперь я могу говорить, лгать больше нету смысла. Да, я убиваю детей... И тут он неожиданно спросил:

– «Третий лишний, да?»

Женщина недоуменно перевела на него глаза:

– В смысле?

– В прямом. Он сильно вам мешает?

– А вам какое дело? – округлились глаза пациентки.

– Ну, это я же делаю здесь аборт, а не вы.

– Я заплатила деньги, не лезьте не в свое дело, – голос ее стал ледяным.

За дверью слышались шаги, и вошли анестезиологи. Евгений вдруг понял, что очень хочет домой, к жене, а еще на кладбище, к дочке, а аборт делать больше не хочет. Сколько их было в его жизни: тысяча, две, а, может, больше? Теперь все. Так хотела дочь. Он больше не будет убивать маленьких детей. И Евгений вышел. Он не думал теперь, чем это все закончится, он думал о том, что голос дочери не смолкает в душе. Она была бы довольна. Да нет же, она довольна! И он ускорил шаг...

Республика Беларусь, Минская область, агрогородок Хоростово,

nickodimova@yandex.ru